

Первый комбайнёр

Сначала под раскалённым полуденным солнцем пшеничное поле казалось почти белым. Но чем ближе был вечер, тем ярче проступало золото созревших колосьев. Будто солнце, заходя, оставляло свой жар и цвет тому, что больше всего было ему сродни на земле — хлебному раздолью. Потом тени поползли из-за леса, прикрывая закраины поля, и, наконец, тёмная августовская ночь внезапно приглушила все краски, и даже ровное гудение комбайна словно бы стало гуще в этом полумраке. А пшеница, выхваченная из тьмы светом фар, заискрилась каким-то новым червонным оттенком.

Сергей Степанович Вдовин привычно и каждый раз вновь удивляясь, отмечал эту непреходящую красоту зрелого поля, такую волнующую, такую родную. Вот спрашивают его иногда, неужели не надоест ему уже шестнадцатое лето ездить всё по тем же полям, убирать всё те же рожь, пшеницу, ячмень, овёс. В таких случаях он вежливо отвечает, что нет, мол, не надоест. Говорит и ловит себя на мысли: не очень убедительны эти слова; чтобы рассказать всё, как есть, надо столько раскрыть в себе, что, пожалуй, и слов привычных не хватит.

Одинаковые поля... Как бы не так... Недаром в каждой деревне называют их по имени, как живые существа, и в этих названиях — характер, повадка. Вот у них в «Успенской ферме» есть и «Бешеная горка», на которой, того гляди, комбайн встанет на дыбы, есть «Марс» — самый дальний массив, «Ржавое поле», где земля окрашена в красноватый цвет. Так и кажется, что названия эти дали совхозные механизаторы, которые лучше всех знают особенности каждого поля.

И о том, почему так предан он, комбайнёр Вдовин, своей профессии, в двух словах не скажешь. Надо пережить те минуты, когда он, деревенский пастушонок, зачарованно смотрел на работающий трактор, когда уже в войну стал трактористом и упивался своей властью над послушной машиной, когда, раненый под Смоленском, в минуты беспамятства забывал о боли и видел себя на своём тракторе, на Яблонево́й горе. В детстве ему недолго пришлось учиться в школе. Не оттого ли, заполняя свою жажду знаний, так дотошно изучал он каждый узел трактора, а потом и комбайна. Пожалуй, трудно лучше знать машину, чем он знает свой комбайн. Недаром каждую неисправность Сергей Степанович переживает так болезненно, словно это в его собственном теле возникает боль. И уж, обнаружив поломку, не пожалеет ни дня, ни ночи, только бы побыстрее вновь услышать успокаивающий рокот мотора, почувствовать на жёсткой ладони приятную тяжесть обмолоченного зерна.

А когда комбайн работает, как часы, и автомашина едва успевает сделать очередной рейс, чтобы вовремя освободить наполнившийся бункер, такие дни — праздник для комбайнёра.

В этот день на току было особенно напряжённо. Со всех девяти комбайнов шло и шло зерно. Но вот поток уменьшился, в сумерках комбайнёры глушили моторы. И только с одного поля всё везли зерно: работал вдовинский комбайн. Люди наказывали шофёру — пусть, мол, кончает Сергей Степанович, пора. Но шофёр вновь привозил полный кузов пшеницы и торопливо уезжал. И на току теперь уже с весёлым удивлением встречали машину, а потом и сами, загоревшись азартом, работали жадно и дружно.

Только незадолго до полуночи вернулся домой комбайнёр. Двадцать семь тонн зерна намолотил он тогда.

В тот день, когда мы познакомились с Вдовиным, у комбайнёров выдалась передышка. Накануне только что убрали ячмень, а овёс ещё не доспел. Все комбайнёры, кроме А. С. Савельева и Е. В. Болдинова, помогавших соседнему совхозу «Бектышево», были у совхозных мастерских, готовили свои агрегаты к новому этапу уборки. Вот и Вдовин вылез откуда-то из чрева своей

большой машины. Он даже оглянулся с сожалением на неё, как будто извиняясь, что бросает ради разговора непроверенный узел. Но без слов поняв старшего, уже скрылся где-то внутри комбайна помощник Коля Заболотный, который седьмой сезон в экипаже Вдовина. И мы ещё двумя словами не перемолвились, а сам комбайн многое рассказал о своём хозяине. Вот на нём целое созвездие: семь, восемь, девять звёзд за прошлые уборки и нынче уже пять. Поблёкший от солнца, но всё же гордый вымпел укреплен у мостика. Звено Вдовина две недели было победителем соревнования в совхозе. А у самого Вдовина на счету 279 тонн намолоченного зерна, больше всех. Комбайн самый старый в хозяйстве, нынче он уже седьмой сезон работает, и ещё два сезона обещал Сергей Степанович проработать на нём.

На самом видном месте — крупная цифра «3».

— Это мы с ним на парад ездили, третьими в колонне шли, — улыбаясь, кивает в сторону комбайна Сергей Степанович.

Это приятное воспоминание. Впервые выпала им такая честь — на районном параде техники в День работников сельского хозяйства представлять свой совхоз. Комбайны шли первыми в праздничной колонне, свежепокрашенные, принаряженные. А их водители, все в комбинезонах и белых рубашках с галстуками, как капитаны на мостиках. Колонна шла по главной улице Переславля, площадь встретила их громом оркестра, и весь город рукоплескал победителям уборки. И он, Вдовин, никогда так не волновался, как в тот день. А уж, кажется, должен привыкнуть к славе, чуть не каждый год его имя начинает список лучших в совхозе. Вот и сейчас «молния» у конторы — о нём и его звене. На Доске почёта — он среди лучших. И на щите со списком ударников коммунистического труда — Вдовин и его жена Надежда Ивановна, знаменитый животновод.

О Вдовине часто говорят с прибавлением словечка «первый». У него раньше всех всегда отремонтирован комбайн, он раньше всех герметизировал его, первым вышел на уборку. Но слава не кружит ему голову, это о нём говорят в совхозе: «сам работу ищет». Мало того, что на уборке первый, он ещё всю посевную работает на своём маленьком тракторе — самоходном шасси, с которым тоже уже не расстается шесть лет, не соглашается поменять на машину другой марки, ценя юркость и манёвренность этой самоходки. Он подкармливает корнеплоды, косит сено и убирает семенники трав. А зимой возглавляет звено по механизации животноводческих ферм. На Нестеровской ферме он сделал транспортёр, в Романове смонтировал молокопровод «Даугава», в Центральном отделении — автопоилки.

Но главное для него — уборка урожая.

— Больше всего люблю я убирать первый гектар, — рассказывает Сергей Степанович. — Всегда переживаешь какой-то необычный подъём...

Мне казалось, что «самым лучшим» должен быть последний гектар — венец всей работы.

— Нет, — улыбнулся комбайнёр, — нет. Последний гектар означает, что всё уже кончилось — до будущего года.

В эти минуты для меня вдруг раскрылось это главное начало в его характере: родная для него стихия напряжённой работы, власти над мощной машиной, управления золотым потоком зерна. Основное для него — труд. Он — наслаждение, смысл жизни, долг коммуниста. Кто-то из писателей сказал, что по-настоящему талантливые, передовые люди никогда не считают себя таковыми, их незаурядность, их достижения — для них обычная норма жизни, иначе они просто не могут работать.

И то, что он несколько честолюбив, не противоречит выше сказанному. Я видела, как однажды секретарь парторганизации совхоза С. В. Кондратьев забирал вымпел с его комбайна, чтобы передать звену Савельева, которое тоже дважды завоёвывало первенство, а звеньевой — в труде главный соперник Вдовина. Комбайнёр был сильно огорчён потерей вымпела, хотя и старался не показать этого внешне. А вымпел пришлось отдать потому, что в работе возникли непредвиденные трудности: один комбайн вышел из строя, поле досталось неурожайное. Но вот встретятся они с Савельевым, и он первым поздравит его с победой, а потом будет обязательно интересоваться, как идут у того дела. Потому что, если тот сделает больше, значит и он, Вдовин, сможет так же и ещё лучше. А если товарищу нужен будет совет или помощь, Сергей Степанович и не вспомнит о мелькнувшей вчера досаде, поможет, даст добрый совет.

Всё это хорошо знают и ценят односельчане. И едва ли у кого-нибудь из здешних коммунистов есть столько общественных поручений, сколько у Вдовина. Он член рабочкома и председатель комиссии по трудовым спорам, дружинник и член товарищеского суда.

А ведь все эти поручения требуют не только добросовестности и готовности работать, а ещё и вмешательства сердца, принципиальности, человечности.

Случилась как-то такая история. Один из трактористов выпил и, самовольно взяв трактор, отправился по личным делам. Весь день машина не работала. Ущерб, нанесённый хозяйству, выразился в крупной сумме, которую дирекция постановила вычесть из зарплаты механизатора. Тот подал заявление в комиссию по трудовым спорам, попросил учесть его положение, как отца троих детей, и снизить штраф. Вызвали тракториста на комиссию. Строго и гневно оценивали его проступок. Последнее слово оставалось за председателем Вдовиным.

— Как же мог ты так подвести всех нас? Да в такую горячую пору? Как мог ты пьяными руками взять руль, а если бы беда? — говорил он трактористу. Говорил, не повышая голоса. И видно было, что такой разговор ему труднее даётся, чем самая длинная смена в поле. Эта проступившая вдруг усталость особенно резанула тракториста по сердцу. Его уже не обрадовала «скидка штрафа» на две трети по случаю большой семьи, и, может быть, впервые почувствовал человек так ясно свою ответственность перед коллективом. С тех пор не замечают плохого за тем трактористом.

Говорили мы о Сергее Степановиче Вдовине с председателем рабочкома Валентином Михайловичем Фроловым. Фронтвик, потерявший на войне ногу, он сам в недавнем прошлом комбайнёр, шестнадцать лет проработавший на комбайне, по сути дела совершил настоящий подвиг. Фролов с гордостью и уважением рассказывал о своём друге, с ноткой грусти — о любимом деле, которым больше не может заниматься.

— Встречали ли вы такого комбайнёра, который во время уборки жалуется на длинную рабочую смену? — говорил он. — Нет таких комбайнёров. Значит, был хороший день, светило солнце, слушалась машина, а поле дарило высокий урожай. — И мы с Вдовиным много полей объездили бок о бок. Бывало, уже вечер, вроде бы давно пора кончать работу, но так хорошо работается на добром поле вместе с надёжным товарищем. И такие минуты — самые лучшие в жизни.

И. Копылова.
Совхоз «Успенская ферма»
Переславского района.